

3. *Al-Hassan M., Lu H., Lu J.* A Framework for Delivering Personalized e-Government Services from a Citizen-Centric Approach // Proceedings of the 11th International Conference on Information Integration and Web-based Applications & Services, USA. Kuala Lumpur, 2009. P. 436–440.

4. *Фёдоровский А.Н., Логачева В.К.* Архитектура рекомендательной системы, работающей на основе неявных пользовательских оценок // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции // Труды XIII всероссийской научной конференции RCDL'2011. Воронеж, 2011. С. 76–82.

5. *Трахтенберг А.Д.* Доверие к органам власти и адаптация государственных электронных услуг в России: стимул или барьер? // Интернет и современное общество: труды XIV всероссийской объединенной конференции. СПб., 2011.

6. *Цукарь С.С.* Проблемы адаптации технологий электронного государства в России // Актуальные проблемы управления и экономики: российский и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Томск, 26–27 апреля 2013 г.). Томск, 2013. С. 316–322.

N.S. Gordeev

Religious Extremism Determination Features (Case Study of the Subjects of the Volga Federal District)

The need to identify the features of determination of religious extremism as a complex phenomenon which has its regional specifics, is substantiated. The conclusion is drawn that the dominant role among the determinants of religious extremism in the regions of the Volga Federal District belongs to the contradictions and conflicts in the religious sphere, which lead to assimilation and dissemination of extremist ideology among a certain group of the faithful and to reproduction of religiously motivated extremism.

Key words and word-combinations: determination, religious extremism, extremist ideology, radicalization, conflict.

Обосновывается необходимость выявления особенностей детерминации религиозного экстремизма как сложного явления, имеющего свою региональную специфику. Делается вывод о том, что доминирующее значение среди детерминант религиозного экстремизма в субъектах Приволжского федерального округа имеют противоречия и конфликты в религиозной сфере, приводящие к распространению экстремистской идеологии среди определенной группы верующих и воспроизводству религиозно мотивированной экстремистской деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: детерминация, религиозный экстремизм, экстремистская идеология, радикализация, конфликт.

УДК 341.3
ББК 67.408.16

Н.С. Гордеев

**ОСОБЕННОСТИ
ДЕТЕРМИНАЦИИ
РЕЛИГИОЗНОГО
ЭКСТРЕМИЗМА
(на примере субъектов
Приволжского
федерального округа)**

В ряде субъектов Приволжского федерального округа (далее — ПФО) за последние пять лет существенно возросло количество совершенных экстремистских преступлений, что свидетельствует о сосредоточении в Поволжье, наряду с Северным Кавказом, определенных этноконфессиональных угроз национальной безопасности [1, с. 17–41]. Подтверждением этому, в частности, служат данные статистики по зарегистрированным преступлениям экстремистской направленности, размещенные на официальном сайте МВД России. Так, на третьем месте по этому показателю в 2009 г.

оказалась Нижегородская область (51), в 2010 г. — Республика Татарстан (23), в 2011 г. — Республика Башкортостан (27) (в 2012 г. — на пятом месте (22)), в 2013 г. — Республика Татарстан (30) (в 2014 г. — на втором (52), а за январь — июль 2015 г. — на первом месте (32)).

Криминологический подход к оценке мер профилактики экстремизма ориентирует науку и правоприменительную практику на необходимость реагирования, в первую очередь на детерминанты (побуждающие причины и способствующие экстремизму условия) [2, с. 17]. Нередко для ученых анализ детерминант различных проявлений экстремизма представляет собой первичный пункт исследования данного явления.

О детерминантах и факторах в криминологической науке говорят как об объединяющих терминах для причин преступности и условий, способствующих совершению преступлений [3, с. 161]. С точки зрения А.И. Долговой, детерминизм фактически объединяет в себе причины возникновения, устойчивости явления и условия его распространения [4, с. 238]. Поэтому очевидно, что детерминация выступает как «сложное взаимодействие различных форм связей: не только причинных, но также функциональных, статических, связей состояния и иных» [3, с. 161]. В случае с экстремизмом односторонний подход при анализе его причин недопустим и влечет их неправильное понимание или чрезвычайно широкую интерпретацию, что приводит к трудностям при разработке конкретных и эффективных мер противодействия. В связи с этим требуется исследование особенностей детерминации экстремизма как многогранного явления, имеющего тесную взаимосвязь с различными общественными процессами. Данная задача осуществима лишь при условии ориентации на существующие криминологические теории (например, теорию конфликта и теорию субкультур). Без этого в дальнейшем невозможно эффективное противодействие экстремизму, сопровождающееся выстраиванием соответствующей организационной структуры, принятием политических решений и формированием криминологически обоснованной правовой базы.

Тенденция к росту значимости религиозного фактора в жизни общества имеет помимо положительных последствий и весьма негативный аспект. И.М. Мацкевич справедливо указывает на то, что «религия, помимо сдерживающих начал, иногда выступает и причиной совершения преступлений» [5]. Во многом это связано с толкованием традиционных религиозных воззрений в духе «пренебрежительного отношения к людям другого вероисповедания или к людям, которые скептически относятся к самой идее существования Бога» [5]. Таким образом, религиозные учения используются отдельными лицами и группами для обоснования противоправной, часто преступной деятельности. В этом случае можно говорить о явлении религиозного экстремизма, получающего широкое распространение и устойчивость в ряде субъектов ПФО. Например, покушение на жизнь муфтия Татарстана Ильдуса Файзова и убийство его заместителя Валиуллы Якупова в июле 2012 г. привели к тому, что власти признали проблему религиозного экстремизма в Республике Татарстан [6, с. 74]. Следствием этого является пересмотр регионального законодательства в сфере противодействия экстремизму на основе утвержденного Кабинетом министров Республики Татарстан 31 августа 2012 г. постанов-

ления № 749 «О мерах по профилактике и противодействию религиозному экстремизму в Республике Татарстан».

В криминологии по-прежнему доминирует точка зрения, согласно которой в комплексе причин преступности важнейшую роль играют экономические факторы. В частности, утверждается, что системный кризис, начавшийся в России в 1990-х годах, по сегодняшний день является главным источником преступности [7, с. 77]. Ряд исследователей считают, что четыре пятых криминологических детерминант имеют экономический характер [7, с. 61]. Во многом это соответствует процессам, связанным с динамикой экстремистской (в том числе террористической) преступности и радикализацией ислама на Северном Кавказе [8, с. 103], но применительно к Поволжью требует корректировки с учетом криминологических реалий. Вместе с тем нельзя абсолютизировать экономические факторы, так как «детерминистское объяснение означает выявление всего комплекса событий, явлений или процессов, воздействующих на изучаемое явление» [9, с. 201]. Тем более, по справедливому утверждению А.И. Долговой, если это в определенной степени касается духовной сферы общественной жизни, к подсистеме которой относят науку, искусство, идеологию, религию, образование и воспитание [4, с. 312].

Социальная детерминация, как указывает Н.А. Барановский, исходит из того факта, что разнообразные и многогранные отношения и взаимодействия личности и социума являются главной системообразующей структурой, влияющей на социальное поведение личности и развитие общества [10, с. 72]. Соответственно, в случае с религиозным экстремизмом как негативным социальным явлением важнейшим фактором выступают определенные процессы в религиозной сфере. Здесь так же, как и в обществе в целом, может сложиться «конфликтная, разрушительная, антигуманная социальная среда» [11, с. 19]. Подтверждением этому служат выводы, сделанные в ходе исследования по гранту РГНФ «Особенности проявления религиозного экстремизма и основные направления противодействия ему на примере регионов Приволжского федерального округа (Саратовской, Ульяновской областей и Республики Татарстан)» (№ 14-33-01231). Значительная доля опрошенных (до $\frac{1}{3}$) в Республике Татарстан, Саратовской и Ульяновской областях указывали на такие причины религиозного экстремизма, как конфессиональные противоречия (14,8; 4,9; 10,8%), отсутствие межрелигиозного (межконфессионального) диалога (22,2; 7,5; 15,4%), рост псевдорелигиозных культов и сект (34,4; 50,6; 42,3%).

Отмечено, что важной особенностью в исследуемом регионе является то, что религиозный экстремизм самодетерминируется разного рода конфликтами в религиозной среде, в результате чего в ней формируется экстремистская субкультура. В первую очередь это конфликт «официального и неофициального» в религиозной сфере, предполагающий, что внутри зарегистрированных религиозных объединений существуют различные группы, проповедующие собственную версию религиозного учения, нередко содержащую в себе признаки экстремистской идеологии. Можно привести в пример практику создания законспирированных ячеек международной террористической организации «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»). Так, приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного

Суда Республики Татарстан от 28 октября 2009 г. по делу № 2-13/2009 было установлено, что в 2004 г. в Татарстане А.Д. Хасанов вступил в члены указанной организации, объединившись летом того же года с Ш.Р. Ахмедовым и осенью с Д.А. Рафиковым и Т.И. Нурмухаметовым, а с августа 2004 г. организовал с их участием деятельность законспирированного отделения в составе действующего в г. Казани подразделения. В дальнейшем А.Д. Хасанов умышленно готовил действующих под его руководством лиц к организации экстремистской деятельности в Татарстане, а именно к последовательному поиску, склонению и вовлечению новых участников в состав законспирированных отделений созданного им структурного подразделения организации «Хизб ут-Тахрир», их тайному объединению и подготовке к антиконституционной деятельности в Российской Федерации. Для этой цели члены организации «Хизб ут-Тахрир» посещали мечети г. Казани и знакомились с прихожанами и учащимися исламских учебных заведений.

Несмотря на более чем двадцатилетний период «религиозного возрождения» в России, религиозные институты и организации находятся на стадии становления и имеют в связи с этим много проблем и противоречий. Так, Р.Г. Галихузина и М.М. Марданшин отмечают, что активное возрождение ислама в ПФО приводило не только к росту духовности, укреплению нравственных устоев в обществе, возрождению утраченных традиций, так как параллельно с этим происходило проникновение чуждых исламистских идей, являющихся основой для возникновения религиозных и этнических конфликтов [12, с. 80].

Росту неофициальных движений, к которым относятся различные деструктивные организации, радикальные течения, секты, способствует жесткая конкурентная борьба религиозных объединений друг с другом. Р.Р. Абдулганеев считает, что это, в свою очередь, ослабляет государственный контроль и облегчает совершение преступлений [13, с. 14]. Так, свидетельством разногласий и разобщенности внутри мусульманской уммы является наличие в Поволжье нескольких централизованных религиозных исламских организаций, раскол между которыми лишь продолжает усугубляться.

Вторая разновидность конфликта, тесно объединенная с первой, предполагает столкновение традиционного и деструктивного нового в религиозной сфере. Так, очевидно, что одной из самых важных сторон борьбы с исламским экстремизмом и терроризмом выступает идейно-теоретический аспект. Между тем отсутствие четкой позиции по актуальным вопросам современного общества у официальных мусульманских организаций лишь обостряет проблемы, связанные с ростом числа неофитов, требующих четкого ответа на свои духовные запросы, убежденных в непогрешимости избранного учения и способных упорно отстаивать свои взгляды и образ жизни [14, с. 278]. По мнению опрошенных в Республике Татарстан, Саратовской и Ульяновской областях (30,4%), именно неофиты, не успевающие воспринять моральные правила религиозного учения, наиболее подвержены влиянию экстремистских идей. Они наиболее часто принимают радикальные версии религиозного учения и становятся членами различного рода религиозных экстремистских организаций и групп. Это отчетливо проявляется при распространении религиозного экстремизма в исправительных учреждениях. Существенной проблемой также остается недостаточный уровень

квалификации имамов, что не устраивает представителей молодого поколения, нередко предпочитающих обучаться у более молодых представителей исламского духовенства, имеющих зарубежное образование (в странах, где государственной религией признается ислам ваххабитского толка). В итоге это нередко приводит к усвоению норм религии, обосновывающих применение насилия и оказание вооруженного сопротивления властям [12, с. 81].

Определенную опасность в распространении радикальных религиозных учений вызывают мигранты, являющиеся носителями другой религиозной традиции. Низкая результативность контрольных функций государства приводит к росту числа некавалифицированных иностранных рабочих, а недобросовестные работодатели в целях экономии денежных средств нарушают не только миграционное, но и трудовое законодательство, игнорируя законные интересы работников, формируя значительный контингент безработных «гастарбайтеров», лишенных средств к существованию [15, с. 162]. Тем самым они становятся, с одной стороны, объектом для вербовки в экстремистские и террористические организации, а с другой — нередко сами распространяют экстремистскую идеологию и формируют ячейки запрещенных в России организаций. Примером последнего является организация гражданином Азербайджана ячейки запрещенной организации «Нурджулар» при Соборной мечети г. Ульяновска в 2011 г., члены которой проводили «дарсы», то есть уроки, по трудам турецкого богослова Саида Нурси.

Следует обратить пристальное внимание на проблемы построения государственно-конфессиональных отношений в России, которые, по мнению С.Е. Пролетенковой, не отвечают современным требованиям к соблюдению свободы совести и свободы вероисповедания в демократическом правовом государстве, не способны обеспечить конфессиональную безопасность [16, с. 22]. Представляется обоснованной точка зрения А.В. Павлинова, который, рассматривая общность детерминации коррупции и экстремизма, отмечает, что «отсутствие надлежащих правовых оснований, правовых рамок функционирующих специальных режимов, в первую очередь контртеррористической операции, способно не только рождать новых террористов, но и вдохновлять нынешних» [17, с. 42]. Иными словами, недостатки антиэкстремистского и антитеррористического законодательства, необоснованное преследование и репрессия за «религиозный экстремизм» способны также провоцировать новые экстремистские деяния.

В.В. Макаров подчеркивает огромное значение криминальной субкультуры для самодетерминации преступности, которая «наряду с другими факторами обуславливает преступность и является объективной реальностью» [18, с. 79]. Именно в условиях постоянного конфликта и влияния экстремистской идеологии религиозная среда радикализуется и приобретает признаки, свойственные криминальной субкультуре. Так, в упомянутом деле против участников организации «Хизб ут-Тахрир» в Татарстане было установлено, что члены законспирированного отделения на тайных собраниях, проводимых под руководством А.Д. Хасанова, приобретали специальные познания, изучая содержащиеся экстремистские материалы книги и брошюры. Тем самым они усваивали положения экстремистской идеологии и получали обоснование своей противоправной деятельности в дальнейшем.

Под влиянием экстремистской идеологии отдельным группам верующих становятся присущи черты, свойственные экстремистским организациям. Например, приговором Кировского областного суда от 20 ноября 2014 г. по делу № 2-18/14 было установлено, что летом 2003 г. на территории Республики Татарстан из числа молодых мусульман на фундаменталистско-исламской основе Г. организовал религиозную группу, деятельность которой носила конспиративный характер и террористическую направленность. Наряду с Г. в группу вошли другие лица, являющиеся приверженцами крайне радикального течения в исламе — ваххабизма. При этом Г. занял лидирующее положение, став ее «амиром». Другой участник группы по своему статусу выполнял роль заместителя, отвечая за проведение идеологической работы среди участников группы.

Итак, детерминация религиозного экстремизма в субъектах ПФО прежде всего вызвана противоречиями и конфликтами в религиозной сфере. Не случайно в новой Стратегии национальной безопасности в числе прочих ставится задача сосредоточить усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, межнационального согласия и религиозной терпимости (п. 26). В свою очередь, указанная конфликтогенность религиозной среды приводит к усвоению и распространению экстремистской идеологии среди определенной группы верующих. Данный процесс может быть обозначен как радикализация, которая способствует обоснованию и воспроизводству экстремистской деятельности. Сегодня на формируемую в религиозной сфере, религиозных образовательных и исправительных учреждениях экстремистскую субкультуру практически не обращается внимания, отсутствуют криминологически обоснованные меры противодействия. Такие выводы лишней раз доказывают необходимость дальнейшего исследования детерминации религиозного экстремизма в целях выработки эффективных мер его профилактики.

Библиографический список

1. Карта этнорелигиозных угроз: Северный Кавказ и Поволжье. М., 2013.
2. *Касторская Е.В., Касторский Г.Л.* Экстремизм в религии и праве: криминологический анализ. СПб., 2015.
3. Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2000.
4. *Долгова А.И.* Учение о детерминации и причинности преступности // Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. Гл. 7.
5. *Мацкевич И.М.* Влияние религии на преступность (на примере России и Республики Узбекистан) // Российское право в Интернете. 2003. № 2.
6. Круглый стол «Наследие Валиуллы Якупова и современное состояние исламской уммы России» // Мусульманский мир. 2015. № 3.
7. Криминология: учеб. пособие / Г.И. Богуш [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2007.
8. *Семедов С.А.* Причины радикализации российского ислама // Власть. 2009. № 9.
9. *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. М., 1986.
10. *Барановский Н.А.* Криминологические теории этиологии преступности и стратегии антикриминальной политики // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2009. № 2.
11. *Кудрявцев В.Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М., 1998.
12. *Галихузина Р.Г., Марданишин М.М.* Религиозный экстремизм на почве ислама в Приволжском федеральном округе // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 4.

13. *Абдулганеев Р.Р.* Религиозный экстремизм: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.
14. *Гришай Е.В., Манацков И.В.* Причины религиозного экстремизма и способы его преодоления // *Общество и право.* 2014. № 4 (50).
15. *Улезько С.И.* Проблемы криминологической оценки воздействия экономических факторов преступности на интенсивность экстремистских проявлений в современной России // *Общество и право.* 2014. № 4 (50).
16. *Пролетенкова С.Е.* Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
17. *Павлинов А.В.* Коррупция и экстремизм в Российской Федерации: общность детерминации и проблемы повышения эффективности противодействия // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* БГУЭП. 2011. № 2 (16).
18. *Макаров В.В.* Самодетерминация преступности / под ред. Г.Ю. Лесникова. М., 2015.

К.И. Zeynalov

**The Problem of Ethnic Migrants
in the Context
of Regional Economic Policy**

Natural migratory flows that are changing the structure of international relations and aggravate the social situation in the Russian Federation are considered. The escalation of tensions in the national relations, conditioned by the growth of both internal and external migration, leading to a clash of economic and social interests of the local population and visitors is analyzed.

Key words and word-combinations: migrants, social and economic relations, international relations, Russian Federation.

Рассматриваются стихийные миграционные потоки, вносящие изменения в структуру межнациональных отношений и обостряющие социальную ситуацию в субъектах Российской Федерации. Анализируется рост напряженности в национальных взаимоотношениях, обусловленный повышением как внутренней, так и внешней миграции, приводящей к столкновению социально-экономических интересов местного населения и приезжих.

Ключевые слова и словосочетания: мигранты, социально-экономические отношения, межнациональные отношения, Российская Федерация.

УДК 325/327
ББК 66.4(0),3

К.И. Зейналов

**ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ
МИГРАНТОВ
В КОНТЕКСТЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ**

Многие проблемы, характерные для настоящего времени, в рамках межнациональных отношений тесно связаны с социально-экономическими проблемами как на государственном, так и на региональном уровне. Одной из наиболее значимых проблем, приковывающей интерес широкой общественности, стали стихийные миграционные потоки, вносящие изменения в структуру межнациональных отношений и обостряющие социальную ситуацию в субъектах РФ [1, с. 126–131; 2, с. 45–46].

Экономические проблемы наряду с излишней концентрацией трудовых ресурсов,